

ВОРОШИЛОВСКИЙ СТРЕЛОК

ДМИТРИЙ НАЙДЕНОВ
КНИГА ПЕРВАЯ

18+

Дмитрий Найденов

**Ворошиловский
стрелок. Книга первая**

«Автор»

2026

Найденов Д. А.

Ворошиловский стрелок. Книга первая / Д. А. Найденов —
«Автор», 2026

Умереть, чтобы попасть в прошлое, без особых знаний, с одним лишь умением меткой стрельбы и общими знаниями истории. Изменить историю, когда немецкая военная машина идёт напролом, сметая всё на своём пути.

© Найденов Д. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Дмитрий Найденов

Ворошиловский стрелок. Книга первая

Глава 1

«Все персонажи, события и диалоги в этой книге — плод авторского воображения. Любые совпадения с реальными людьми, местами или ситуациями случайны и не являются намеренными. Сюжет и характеры полностью вымышлены, а любые отсылки к историческим фактам или публичным личностям используются исключительно в художественных целях. Автор не несёт ответственности за возможное сходство с действительностью».

черновик

Окрестности Барановичи.

«Сообщение Советского Информбюро за 24 июня 1941 года

В течение 24-го июня противник продолжал развивать наступление на Шауляйском, Каунасском, Гродненско-Волковысском, Кобринском, Владимир-Волынском и Бродском направлениях, встречая упорное сопротивление войск Красной Армии.

Все атаки противника на Шауляйском направлении были отбиты с большими для него потерями. Контрударами наших механизированных соединений на этом направлении разгромлены танковые части противника, и полностью уничтожен мотополк.

На Гродненско-Волковысском и Брестско-Пинском направлениях идут ожесточённые бои за Гродно, Кобрин, Вильно, Каунас.

На Бродском направлении продолжаются упорные бои крупных танковых соединений, в ходе которых противнику нанесено тяжёлое поражение.

Наша авиация, успешно содействуя наземным войскам на поле боя, нанесла ряд сокрушительных ударов по аэродромам и важным военным объектам противника. В боях в воздухе нашей авиацией сбито 34 самолёта.

В Финском заливе кораблями Военно-Морского Флота потоплена одна подводная лодка противника.

В ответ на двукратный налёт на Севастополь немецких бомбардировщиков с территории Румынии советские бомбардировщики трижды бомбардировали Констанцу и Сулин. Констанца горит.

В ответ на двукратный налёт немецких бомбардировщиков на Киев, Минск, Либаву и Ригу советские бомбардировщики трижды бомбардировали Данциг, Кёнигсберг, Люблин, Варшаву и произвели большие разрушения военных объектов. Нефтебазы в Варшаве горят.

За 22-е, 23-е и 24-е июня советская авиация потеряла 374 самолёта, подбитых, главным образом, на аэродромах. За тот же период советская авиация в боях в воздухе сбила 161 немецкий самолёт. Кроме того, по приблизительным данным, на аэродромах противника уничтожено не менее 220 самолётов».

Приятная нега разлилась по телу, как от хорошего сна и просыпаться от этого не хотелось, но что-то на задворках сознания не давало долго наслаждаться этим моментом. Следом пришли ощущения и сказать, что они были приятными, не приходилось, появилась боль в затылке, затем пришли запахи и звуки. В ушах стучало молотками, а запах гари, в носу, заставлял сознание быстрее приходить в себя и гнать, этот приятный сон.

Возвращение в реальность оказалось практически мгновенным, вот я ощущаю тело, одеревеневшее, чужое, к запаху гари добавились запахи серы и чего-то мерзкого, а к звукам добавились крики, плачь и стоны, десятков людей, в разных интонациях. Так кричат от крайней

нужды, от очень сильной боли, а значит, произошло что-то страшное. От осознания этого мне не хотелось открывать глаза, внутри поселился страх, что увиденное меня точно не обрадует, но пришлось сделать усилие над собой.

Я лежал на краю насыпи и острые камни упиралась мне в спину, голова смотрела чуть в сторону, и гравий, больно колот щёку. Передо мной лежал вагон поезда, на боку и его колёса смотрели прямо на меня, стоило чуть повернуть голову и увидел паровоз, старый ещё с трубами и работавшем на угле. Он выглядел достаточно новым и дымил белым паром, но явно уже не сможет выполнять свои функции, на нём виднелось множество дыр, из которых и шёл этот белый пар.

То, что случилась крушение поезда, мне стало понятно сразу, но вот люди, окружающие меня, выглядели очень странно, старая одежда, неяркая, у большинства заношенная, женщины в платках, в каких-то кофтах, пиджаках, с баулами и чемоданами, старыми с ручками. Мужчины в костюмах, но таких заношенных, что даже бомжи побрезгуют в нашем времени.

- В нашем времени? Где я? – произнёс вслух.

- Митька! Братко, опрачнуся! – раздался рядом девичий голос.

Пришлось повернуть голову и увидеть девушку, лет восемнадцати, с обветренным лицом, в платке и красными глазами, было видно, что она недавно плакала. Одета в серое платье с накинутым пиджаком, тёмно-серого цвета.

- Нас бомбили, цягник сышоу з рэк, - незнакомым говором проговорила девушка.

- Что? Плохо понимаю, - выдавил я из себя.

- Прости, я по белорусски, забыл, что ли? Говорю, поезд бомбили, он с рельсов сошёл, чуть не погибли, а ты головой сильно ударился, мужики что вытащили, сказали не жилец, вот я и разревелась. А ты оно как, жив. Что же теперь делать, нужно уходить, они опять прилетят, все в лес идут, - произнесла девушка, помогая мне подняться.

Вокруг действительно люди спешили покинуть поезд, но кто-то ещё оставался, с ранеными, кто-то вытаскивал вещи, а я не мог поверить в реалистичность происходящего. Всё напоминало кадры из хроники или фильма про войну, что сразу заставило насторожиться.

- А кто бомбил? – задал я вопрос, кажущийся мне важным, но ответа слышать на него совершенно не хотелось.

- Так немцы же. Вайна. Ту зусим нічога не паметаешы? (Ты совсем ничего не помнишь? здесь и далее перевод), – взволнованно спросила девушка, перейдя на белорусский язык.

- Ничего, какое сегодня число, и где мы?

- Так, в Беаларуси, пад Мінскам да Баравічау не даехалі, 24 чэрвеня (так в Белоруссии, под Минском, до Боровичей не доехали, 24 июня), - сбиваясь пояснила она.

- А кто я?

- Мицька, не палохай мяне так, - чуть не заплаков, произнесла она, после чего собралась и довольно нормально ответила, - Тебя зовут Дмитрий Станкевич, отец, мой дядька, тебе 15 лет, ученик 8 класса, средней школы номер два. Неужели, ты ничего не помнишь? – спросила девушка.

- Ничего, а как тебя зовут? – решил я уточнить, всё ещё продолжая осматриваться вокруг и не желая принять реальность, которая происходила.

- Акулина, - расстроено произнесла девушка, после чего добавила, - Тебе точно надо в лякарню, показаться врачу.

- Ладно, ты права, задерживаться здесь не стоит, а в моём положении, я здесь никому не помогу, - ответил, осознавая, что сейчас, если это действительно так, начало Первой мировой войны и самое время, когда немец пёр, не переставая и каждый час задержки, может, стоит очень дорого. К сожалению, память не возвращалась, ни предыдущая, ни нынешняя, что-то крутилось в голове, но кажется, что разум отказывался воспринимать реальность, а значит, нужно всё оставить и заняться спасением себя и девушки, которая сопровождала меня.

Кто я и откуда, пока непонятно, одна часть меня говорила о том, что моя фамилия Станкевич, а вторая, что я из другого времени и война закончится 9 мая 1945 года в Берлине. Память кем я был там, полностью молчала, а образы, всплывавшие в памяти, выглядели фантастическими.

Мы пошли по путям, я не стал уходить в лес, как большинство, так как скорость движения будет явно ниже, чем идти по путям. Акулина несла два вещмешка, один из которых я забрал, молча из её рук, ничего не сказав на её возмущения, да и она притихла, бросая мне в спину тяжёлые взгляды. Постепенно я втянулся, и мы шли достаточно быстро, обгоняя редких пассажиров, идущих впереди с большими чемоданами. Меня грызла совесть, что не остался с ранеными и не помог им, но что-то внутри меня было убеждено, что им уже не помочь, немцы скоро выйдут к Минску и отрежут нас от остальной части страны, а там уже и оккупация.

Вокруг железнодорожного полотна располагались поля, часть была со скошенной травой, и даже виден намётанный стог сена, от земли парило, судя по всему, время близиться к полудню и жара только усиливается. Звук кузнечиков и недалёкого леса, навевал разные мысли, но они постоянно возвращались к теме войны.

С комсомольским билетом и значком Ворошиловского стрелка, меня быстро поставят к стенке, не посмотрев на то, что мне 15 лет, - пришла мысль и я тут же остановился, заставив Акулину налететь на мою спину.

- Что случилось? – удивлённо спросила она, чуть не упав.

- Я комсомолец? – спросил, развернувшись к ней, и оказался очень близко, смотря практически в упор.

- Вспомнил? Да, документы у тебя в нагрудном кармане, ты их несколько раз при мне проверял, - ответила девушка.

Осмотрев себя, понял, что в пиджаке действительно есть карман, внутри и там что-то лежит.

Достав свёрток, обнаружил комсомольский билет: «Пролетарии всех стран объединяйтесь! Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи. Комсомольский билет. Фамилия – Станкевич Дмитрий Александрович. 1936 года рождения. Время вступления в ВЛКСМ апрель 1939 года.

Фото молодого парня, с волевым лицом, довольно симпатичное, по ходу моё, на которое я долго смотрел, пока не услышал покашливание девушки и быстро пролистнув, увидел свежие отметки об уплате членских взносов в 2 копейки.

Вторая книжка меньше и проще, на обычной бумаге, ОСОАВИАХИМ, стрелковая книжка, моя фамилия, даты с 1939 по 1941 год, по стрельбе с указанием, выбито по 90 очков из 100 возможных, за каждый год. Судя по всему, очень хороший результат, значит, стрелять я умею, и могу эти знания применить на деле. Вот только винтовки под рукой не было, да и сам я ещё подросток, но зато явно выгляжу старше своих лет.

- Ну, вспомнил?

- Вроде вспоминаю, оказывается, я неплохой стрелок, вот только где мой значок? – спросил осматривая себя.

- Ты его в карман убрал, когда я сказала тебе, что хватит хвастаться, - смутившись, ответила Акулина.

Действительно, в кармане, на самом дне, обнаружился значок, а на пиджаке была видна дырочка от него, куда я его сразу и закрепил, затянув колёсико с обратной стороны. Вдалеке, с той стороны, откуда мы шли, я услышал гром, а потом хлопки, очень похожие на выстрелы, но были они дальше крушения поезда.

- Нужно уходить, возможно, там уже немцы, - сказал я и развернувшись, пошагал по насыпи.

- Откуда там немцы, хочешь сказать, они успели за два дня пройти так далеко? В вагоне я слышала, что в Бресте стоит огромная армия и мы скоро погоним немцев обратно.

- Погоним, обязательно погоним, но не сейчас, они собрали все силы у нашей границы и, прежде чем их погнать, нужно их всех перебить. На то, чтобы подтянуть резервы, нужно время, а его они нам не дадут. Поэтому нужно найти нашу армию и вступить в неё. - Но ты же ещё подросток, в 15 лет тебя точно никто не возьмёт, - возразила Акулина.

- Зато стреляю хорошо, - зло ответил я, сам не понимая, откуда во мне она взялась.

Дальше мы шли молча, нагнав небольшую группу беженцев из женщин и детей, идущих впереди нас. Они, как и мы, не пошли назад, к ближайшей станции, а двинулись вперёд, ведь понятно, что поезд здесь же не пройдёт, пока пути не отремонтируют, а успеют ли они сделать это до прихода немцев, никто не знает. Впереди показалась просёлочная дорога с переездом, у которого не было никаких построек, значит, дорогой пользовались редко, вот только на переезде, впереди идущая группа остановилась, что-то обсуждая. Женщины стоят плотной толпой, прикрывая глаза детям и отворачивая им головы, но сами при этом не уходят.

Когда мы подошли ближе, то я увидел два тела, солдат, в странной советской форме, старого образца, хотя уверен, для местных форма вполне нормальная, это у меня отношение к ней довольно двоякое. Они лежали рядом, оба без оружия и ремней, у обоих на груди пулевые отверстия и, судя по всему, их убили прямо здесь, возможно, застали врасплох, они сдались и их в итоге расстреляли. Зачем непонятно, но это уже и неважно, важно другое, где-то здесь уже были немцы, а значит, дорога на Барановичи, уже перерезана. Второй день войны, а немцы продвинулись так далеко, это что-то невообразимо, жаль, не помню дат, когда захватили Минск, так бы можно было сориентироваться, но с такими темпами, они сделают это очень быстро.

Я ещё смотрел на мёртвых красноармейцев, как сзади послышался шум двигателя, и я не сразу понял, что это такое, да и честно признать, голова сильно болела, а на затылке была здоровая шишка.

- Немцы, - крикнул кто-то из толпы, и все дёрнулись в сторону, но со стороны шума, раздалась хлесткая очередь, прочертившая пути, перед толпой и она замерла, как и мы с родственницей.

Я застыл не зная. Что делать, если бы все бежали, шанс выскочить ещё был, а так с пулемёта нас всех быстро перестреляют, да и честно сказать, я испугался, возможно, впервые в жизни, но страх был мерзким и липким, обволакивая всё внутри и парализуя тело.

- Штеен! – крикнул немолодой немец, сидящий в коляске мотоцикла, который медленно подъезжал к нам.

- Carl, sieh dir die Damen an, ich hoffe, sie werden so freundlich sein wie die Franzosen (Карл, смотри какие дамы, надеюсь, они будут так же любезны, как француженки).

Из сказанного я понял не всё, так как немецкий знал плохо, но словосочетание, дамы и французы, сразу наводило на определённые мысли, которые мне не понравились. Немцы заглушили мотоцикл и о чём-то переговариваясь, двое слезли с него, направившись к стоящим женщинам, а пожилой немец, в каске, держал всех под дулом пулемёта.

Я медленно пошёл им навстречу, сближаясь за спинами женщин, а Акулина, пошла за мной, при этом вещмешок, сбросил с плеча. Стараясь, чтобы этого не заметили немцы, но они давно нас рассмотрели и опасности не видели, а вид десятка молодых девушек и женщин, явно расслабили их. Я уже был рядом, когда один из немцев, бесцеремонно схватил ближайшую за грудь, за что сразу получил пощёчину, чего он явно не ожидал. Не прошло и секунды, как он ударил в ответ, кулаком, прямо в живот, отчего она сложилась пополам, а её соседка, набросилась с кулаками на этого немца, ударив его палкой по лицу.

Тот, что сидел в коляске, заржал, явно наслаждаясь моментом и что-то бросил на немецком, отчего солдат стал красным и, сдёрнув винтовку с плеча, резко ударил штыком в живот второй женщины. Все сразу сделали шаг назад, в испуге, вот я, наоборот, вздрогнул. В голове

за миг пронеслось столько мыслей, что их невозможно описать словами, воспоминания нахлынули на меня волной, другая жизнь, другое тело. Война давно закончилась, потом развал Советского Союза, перестройка и много чего, но вот такого я почему-то выдержать не мог. Ещё не осознав, что делаю, выскакиваю из-за спины женщину и бью сапогом под колено немца, отчего тот начинает заваливаться назад, вытянув руки в зажатой винтовкой, второго, стоявшего рядом и начавшего сдёргивать свою винтовку, бью этой же ногой в пах, больше я не достану, а он рядом, потому опасный противник.

Первый немец ещё падает, а я придерживаю винтовку, отчего он, упав, тянет её на себя. Резко меняю положение тела, наваливаясь на неё, держа за ствол и давя со всех сил. Перемена вектора силы, оказывается неожиданным для немца и мне остаётся только подправить винтовку, чтобы приклад пришёлся точно в его лицо. Противный хруст вызывает во мне волну удовлетворения, но заметив, как пожилой немец, начинает дёргать затвор пулемёта, меня бьёт страхом. Только в этот раз, он выступает топливом для дальнейших действий, время замедляется, а я ускоряюсь, дёргая винтовку на себя и руки немца, ослабевшие от боли в сломанном носе, выпускают её. Мне только остаётся перехватить её поудобнее и навести на пулемётчика.

- Митька! – испугано кричит моя спутница, а я уже вижу дуло пулемёта, смотрящего в мою сторону.

Время ещё больше замедляется, целиться некогда, передёргивать патрон, тоже, поэтому доворачиваю ствол, не поднимая рук, единственный вопрос, где у неё предохранитель. Модель мне не известная, но интуитивно распознаю флажок, который будет мешать затвору работать, перевожу пальцем его в левое положение. Уже не опуская глаз, пытаюсь направить дуло точно в мотоциклиста, тем более расстояние не более двадцати метров.

Прежде чем успеваю нажать на спусковой крючок, понимаю, что впереди доносится шум ещё одного мотоцикла, но отступить уже поздно.

Глава 2

Сообщение Советского Информбюро за 24 июня 1941 года

«Финляндия предоставила свою территорию в распоряжение германских войск и германской авиации. Вот уже 10 дней происходит сосредоточение германских войск и германской авиации в районах, прилегающих к границам СССР. 23 июня 6 германских самолётов, вылетевших с финской территории, пытались бомбардировать район Кронштадта. Самолёты были отогнаны. Один самолёт сбит, и четыре немецких офицера взяты в плен.

24 июня 4 немецких самолёта пытались бомбардировать район Кандалакиши, а в районе Куолаярви пытались перейти границу некоторые части германских войск. Самолёты отогнаны. Части германских войск отбиты. Есть пленные немецкие солдаты.

** * **

Румыния предоставила свою территорию полностью в распоряжение германских войск. С румынской территории совершаются не только налёты немецкой авиации на советские города и войска, но и выступления немецких и румынских войск, действующих совместно против советских войск. Неоднократные попытки румыно-немецких войск овладеть Черновицами и восточным берегом Прута кончились неудачей. Захвачены немецкие и румынские пленные».

черновик

Окрестности Барановичи.

Выстрелы раздаются одновременно, только вот я на полсекунды раньше, а вот пулемётчик даже не успел только навести от волнения, и короткая очередь проходит над головами, мгновенно захлебнувшись, а немец, откинувшись назад с дырой, точно во лбу. Тут из леса вырывается ещё один мотоцикл, три немцу, один в коляске и за пулемётом, самый опасный, дистанция около ста метров, тот уже слышал выстрел и дёргает затвор, но я точно быстрее. И мне остаётся только поднять винтовку на уровень глаз, прицелиться и нажать спуск, вот только выстрела не раздаётся, я банально забыл передёрнуть затвор. Делаю это мгновенным, резким движением, лихорадочно вспоминая, не однозарядная ли винтовка, но короб снизу, напоминает, что нет, да и не было винтовок в армии вермахта, однозарядных, во всяком случае, у обычных бойцов.

Мой второй выстрел не менее точен, и быстрее выстрела противника, голова второго пулемётчика дёргается, и он сползает набок. Это замечает водитель. Резко разворачивая мотоцикл, но я уже передёрнул затвор и, повернув винтовку, делаю второй выстрел, а следом, буквально через секунду ещё один, не забыв передёрнуть затвор.

Немцы падают с него, а мотоцикл, проехав, утыкается в сложенную пачку шпал, мгновенно заглохнув. Стою с винтовкой, направленной в сторону немцев, ожидая от них любого движения, чтобы добить, но они не шевелятся. Стоило мне чуть расслабиться и подумать, что всё, я справился, как опять раздаётся девичий крик, мгновенно приводя меня в чувства.

- Митька, справа.

Успеваю перевести винтовку, чтобы увидеть немца, которому я врезал в пах, пытающегося атаковать меня с колен, ножом, зажатым в руке. Сухлой выстрел практически в упор прямо в грудь, отбрасывает его, передёрнув затвор, доворачиваю ствол и нажимаю спуск, но раздаётся сухой щелчок. Магазин винтовки пуст, значит, патронов в нём всего пять, но и это немало, с такой можно и повоевать, осталось раздобыть патроны, но уверен, что немцы ими поделятся со мной. Первый немец, что заколол молодую женщину, ещё жив и пытается приподняться, не до конца понимая, что происходит, ругаясь по-немецки.

Оставлять в живых, я никого не собираюсь, поэтому делаю шаг вперёд и втыкаю штык-нож, на конце винтовки прямо в его живот, немного провернув, после чего, рывком, выдёрги-

ваю, отступая назад. Все стоят замершие, ещё не осознавая, всё произошедшее, а потом одна из женщин заголосила, бросившись к раненой в живот. Это послужило спусковым крючком для остальных. Кто-то бросился бежать в лес, таща за собой детей, что-то просто опустился на дорогу без сил, а кто-то двинулся в сторону раненой женщины.

Я же, так и остался стоять, с зажатой в руке винтовкой, пребывая в лёгком шоке, от всего. Ещё недавно я лежал с разбитой головой, а уже стою посреди дороги, убив шестерых фашистов, что убили одну из женщин. От прикосновения я вздрогнул, резко развернувшись, но увидев Акулину, опустил винтовку, стволом к земле.

- Ты как? – очень тихо, спросила она, а я не сразу понял, что она хочет. Вот только резкий спазм в животе, заставил меня отвернуться и выблевать всё, что было в моём желудке. При этом мои ноги подогнулись, и я опёрся на руки, чтобы не упасть. Тело ещё содрогнулось несколько раз, но желудок был пустой, а во рту разлилась горечь. Горло нещадно саднило, руки тряслись, как и тело, а мысли путались.

- На, выпей водицы, парнишка, ты не переживай, так почти со всеми бывает, в первый раз, - произнесла одна из женщин, протягивая мне бутылку из мутного стекла.

Вытерев рот, дрожащими руками, поднёс её и сделал несколько глотков, опасаясь, что спазм повториться, но, к моему удивлению, мне наоборот, стало легче, спазмы ми дрожь, ушли, оставив слабость во всём теле.

Долго сидеть не вышло, стоило взгляду упасть на винтовку в левой руке, как мысль о том, что магазин пуст и патронов в ней нет, заставили вернуться страху, а он смёл усталость, как волной. Быстро встав, двинулся к ближайшему немцу, которого убил выстрелом, и посмотрел на его пояс, а точнее, на подсумок с левой стороны.

Открыв подсумок, увидел три отделения по две обоймы в каждом и пять патронов в каждой обойме. Подумав секунду, расстёгиваю поясной ремень и снимаю все подсумки, сразу вешая себе на пояс и подгоняя. Ремень застёгивается с трудом, отверстия есть, но они не работаны на мой объём талии, всё-таки я ещё подросток, хоть и довольно крупный.

Беру винтовку, отвожу затвор и вижу пустой магазин, достаю обойму, осторожно примериваюсь и сразу понимаю принцип, благо в стрелялки играл немало, и подобное оружие мне встречалось. Небольшая планка встаёт в паз, надавливаю пальцем сверху, и патроны уходят вниз, планка отскакивает, и я закрываю затвор, после чего ставлю предохранитель и, подняв винтовку вверх, нажимаю спусковой крючок, проверяя его надёжность. Выстрела не следует, предохранитель стоит жёстко, и только после этого аккуратно закидываю винтовку на плечо.

Винтовка на плече, добавляет мне уверенности, теперь я спокоен и знаю, что могу дать достойный отпор даже мотоциклетной группе. Ещё раз внимательно осматриваюсь и направляюсь к мотоциклу, найдя кран от топливного бака, перекрываю его, и на округу сразу опускается тишина. Женщины смотрят на меня, взглядом, полным надежды и ещё чего-то, что не выразить словами. Вероятно, они только сейчас начинали понимать, что такое война и какая их ждёт участь, окажись они на территории, занятой немцами. Моя спутница, что-то пыталась у меня спросить, но все мои мысли сейчас были о другом, а именно о немцах. Были это разведывательный отряд, который возвращался или разведчики уже проехали, а эти вторые, которые едут впереди колонны бронетехники, если я не ошибаюсь, то так перемещались колонны немцев.

Прислушался и, кроме далёких взрывов, ничего не слышал, до них от пяти до десяти километров, а значит, какое-то время у нас есть. А раз так, то нужно разжиться трофеями, поэтому возвращаюсь к первому мотоциклу и осматриваю его, в первую очередь, меня интересует пулемёт. Внешне конструкция знакома, откуда, вспомнить сложно, но, судя по всему, разобраться в ней будет нетрудно. В ногах у пожилого немца лежат коробки в виде ракушек с патронами, которые навешиваются на пулемёт, но, чтобы понять, полные они или нет, нужно вытащить немца из коляски, что я и пытаюсь сделать. Вот здесь и выясняется, что по мест-

ным меркам, я не так и силён, но моя спутница, быстро поняв, что я делаю, помогает мне и мы вдвоём, вытаскиваем тело, за несколько приёмов. В коляске действительно шесть улиток с патронами и ещё запечатанный ящик, с маркировкой 7, 92.

Патроны есть, мотоциклы есть, пулемёт и винтовки, значит, действительно можно повоевать, а пулемёт, может серьёзно замедлить немцев, если правильно его использовать, да и, как выяснилось, стреляю я очень даже неплохо. Пять выстрелов и пять трупов, для боевых действий. Неподготовленного пятнадцатилетнего парня, это либо невероятное чудо, либо способность, которую нужно использовать.

Второй вопрос, кто я и что здесь делаю? Память подбрасывает воспоминания как бы из двух эпох, старая техника, простая обстановка, сельская местность, небольшой городок с простыми вывесками, магазин, хлеб, школа 1. Слава КПСС, и многое другое и вторая жизнь, города с яркими рекламными вывесками, мегаполис, машины, несущиеся с невероятной скоростью, красивые фасады зданий, очень много людей. То, что это две разные жизни и две разные эпохи, я уже не сомневался, остаётся вопрос, как я сюда попал. А то, что парень умер при бомбёжке поезда, - это, практически факт, а второй умер в том, другом времени, уже успев пожить и почему-то те воспоминания более яркие, как родные, а вот из этого времени, более блёклые, явно память парня, умершего при бомбёжке. Значит, я из будущего, осталось вспомнить, что там в будущем может быть полезного, чтобы я смог выжить здесь.

И вот здесь на меня обрушивается поток информации, как плотину прорвала, которая копила воду до определённого момента. То, что война в моём мире, времени или ещё где, закончилась 9 мая 1945 года я уже вспомнил до этого, а сейчас пришла память о самой войне, парад победы «Бессмертный полк» десятки тысяч людей с фотографиями своих павших в войну родственников, рядом родственница и мы несём небольшой плакат, с фотографиями в рамке. Отец и четыре сына, все убиты на войне, трое в 1941, а один из них 1942 году. Никто не дожил до победы и род их на этом прекратился. Потом воспоминания резко перекинулись на хронику победы, какой сложной она была и сколько миллионов советских граждан погибло в ней, особенно на оккупированных территориях. Особенно в Беларуси, которая практически опустела после войны. Затем вспомнились лагеря с военнопленными, умирающими от голода и концентрационные лагеря. Где людей травили газом, сжигали в печах. Вот от этого мне стало мерзко и тошно, кадры киносъёмок, заставили сжать кулаки, чтобы не закричать оттого, что сейчас творилось в моей душе. Желание уничтожить эту фашистскую мразь, стала триггером, который вывел меня из воспоминаний, заставив осмотреться ещё раз и принять решение, которое уже навсегда изменить мою жизнь и жизнь того парня, тело которого я сейчас занял.

Что же там я помню из истории, задал себе вопрос, но точных дат не мог вспомнить, особенно начала войны, единственное, что помнил, - танковые удары, обход немцами укреплений, охваты и создание котлов, к которым Красная армия была не готова. Мобильная война, «Блицкриг», быстрая и молниеносная по планам немцев, и я должен этому помешать.

- Митя, что случилось, ты не ранен? Стоишь бледный, сжимаешь кулаки и скрипишь зубами, - спросила родственница.

- Дмитрий! Меня зовут Дмитрий Александрович Станкевич, комсомолец, твой Митька остался у того разбитого состава, который разбомбили немцы, - произнёс я и подошёл к немцу, которого вытащили из коляски, и осмотрел его, на боку у него был кожаный планшет, как командирский и внутри карта, на немецком, разглядывая которую заметил знакомое название «Барановичи» на немецком. Карта окружающей местности, мне точно не помешает, поэтому, закрыв и убрав её, нацепил планшет на себя.

- Мить... Прости, Дмитрий. Что ты задумал?

- Воевать, немец рвётся к Минску и, если его не остановить, скоро он окружит его и двинет дальше, а вместе с ним окружит и нашу армию, которая без снабжения, без снарядов и без патронов, долго воевать не сможет. Даже если на час задержу колонну, дам шанс им

выйти из окружения, - твёрдо, с какой-то внутренней уверенностью в правильности своих слов, произнёс я.

- Я с тобой! – тут же произнесла она.

- Нет, - также твёрдо произнёс я, уже прикидывая, где я дам свой последний бой.

Пулемёт, если правильно выбрать место, положит десяток немцев, бронированную технику не буду обстреливать, а вот грузовики, коих должно быть много, подойдут как нельзя лучше. Положить до полусотни солдат, портом уже добить из винтовки, кого получится и подорвать себя гранатой, которую видел в коляске мотоцикла. План, как минимум логичный и, вероятно, правильный, как мне кажется. Серьёзно воевать я не умею, в армию меня по возрасту никто не возьмёт, да и ещё уда попаду. Тем более что выбраться из окружения, вероятнее всего, уже не получится.

- Что значит, нет? Я пойду с тобой, и это не обсуждается, стрелять я умею, и пусть у меня нет значка Ворошиловский стрелок, я в цель попадаю, - твёрдо ответила Акулина.

- Лина, пойми, там шансов выжить не будет, я пойду задержать колонну немцев, их там будут сотни, может, тысячи, с бронетехникой, танками, в лучшем случае я выпущу один магазин патронов из пулемёта и несколько пуль из винтовки. На этом моя война закончится, немцы - умелые солдаты, чтобы кто не говорил, одному против них не выстоять, поэтому ты останешься здесь и попробуешь спрятаться в деревне. Боюсь, выбраться в тыл ты уже не успеешь, - ответил я, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно.

- Всё равно, я с тобой, до конца, не смотри, что я девчонка, поверь, я не испугаюсь и не убегу, - твёрдо заявила она и, оглядевшись, подошла к убитому немцу, начав снимать винтовку него.

- Я с вами! - раздался голос за спиной, не дам не придумать ответ моей спутнице. Пришлось обернуться, чтобы увидеть, кто ещё изъявил желание стать смертником.

- Кто ты? – спросил, не подумав, но узнав ту девушку, которую немец лапал за грудь и за которую заступилась другая, пожилая женщина.

- Комсомолка, Валуева Валентина Игоревна, 20 лет, имею такой же значок, как у тебя.

- Ворошиловский стрелок? - удивился я, опешивший от такого предложения. Уж создавать женский батальон я точно не собирался, тогда героически погибнуть не получится, придётся заботиться о них, да и какие воины из девушек, хотя обе не выглядели малахольными. Руки в мозолях, а значит, тяжёлой работы не чураются и на что-то они могут сгодиться.

- Удостоверение есть, Валентина Игоревна? – спросил я, ещё не решив, как поступить.

- Есть! – чётко ответила она и, засунув руку за полу пиджака, вытащила небольшое удостоверение, как у меня.

Там действительно была фамилия Валуева и возраст.

- Комсомольский билет, - строго потребовал я, уже понимая, что отвертеться не получится. Бросить их здесь, значит заставить совершить глупость, а со мной, возможно, у них появится шанс прожить подольше, да и, честно признаться, одному в новом мире мне не по себе, а здесь будет у кого расспросить, да и про мою контузию Акулина знает.

Комсомольский билет точно был её, фотография серьёзной молодой и симпатичной девушки, смотрела на меня, и я даже не сразу поверил, что это она, но присмотревшись, понял, что та просто испачкалась, глаза заплаканные и опухшие, да и удар немца, не прошёл бесследно.

Вернув билет, посмотрел на толпу женщин, которые обсуждали, что им делать дальше. А потом спросил.

- А как же та женщина, она вроде твоя родственница, ведь бросилась тебя защищать? – спросил я.

- Родная тётка, уже всё, она не мучилась, сразу умерла. Я договорюсь с местными, они похоронят, всё равно, до Минска уже не добраться, раз нем

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.